

ГЛАВА 1

*213 год со дня Разлома
5-й день третьего звена*

Ночь за ночью я проваливалась в лабиринт, которому не было конца. Вокруг клубилась Тьма. Ее склизкие щупальца копошились у ног, слепые глаза пытались отыскать нечто неуловимое, и стальные когти изредка скрежетали о холодную гладь зеркал, поджидающих за очередным поворотом. Они всегда были разными: ютились в невзрачных деревянных рамах, изъеденных жуками, впечатляли изяществом, блеском золота и драгоценных камней или же, расколотые, пропускали сквозь трещины пробирающийся до костей колючий сквозняк. Как и сами зеркала, образы, отражающиеся на серебряной поверхности, никогда не повторялись. В одну ночь могла явиться дряхлая старуха, бредущая по улице, в другую — работяга, коротающий вечер в шумном кабаке, или маленькая девочка, играющая с куклой на заднем дворе покосившейся хижины.

Я чувствовала, что должна быть одним из этих зеркал — стоять неподвижно, покорно ожидая, когда острые когти вонзятся в стекло, раскалывая его и выворачивая все мое нутро. Но по какой-то причине я все еще оставалась собой — блуждала во тьме, противясь ледяющему душу зову. В тихом, едва различимом шепоте я не слышала своего имени — лишь

чувствовала, как нечто тянет меня во тьму, пока все внутри вопило: «Беги!»

И я бежала. Сталкивалась с зеркалами, с сотнями зеркал, билась о холодные стекла до тех пор, пока одно из них не дало трещину, — и тогда я просыпалась с громким криком.

После пробуждения я еще долго не могла прийти в себя: тело сотрясал озноб, сердце не унимало своего стремительного бега, на задворках сознания все еще ощущалось прикосновение морозных когтей, вырвавшееся из ночного кошмара. Лишь шелест дремлющего сада дарил мне успокоение.

И сегодня, как и в прошлые ночи, я вышла на порог — теплый ветерок ободряюще коснулся плеч — и села на верхнюю ступеньку. Бирюзовый кристалл в моей ладони излучал слабое сияние, разгоняя тьму.

Скрипнула калитка. Я накрыла Слезу Эрии рукой, пряча свет камня. Осколок протестующе мигнул, но, подчинившись моей воле, погас. Вокруг сгустилась ночь. Лишь за высокими стенами, окружавшими дом, вдоль всей улицы горели кристаллические фонари. Словно солдаты, они выстроились по обочине дороги, отбрасывая на каменную мостовую тусклый желтоватый свет, совершенно не сочетающийся с бирюзой кристаллов, скрытых под толщиной их стекол.

Я узнала Шейна по твердой, уверенной походке прежде, чем он остановился передо мной. Высокий, с копной всклокоченных каштановых волос, прядь которых спадала на лоб. Рубашка расстегнута у горла: Шейн часто оттягивал ворот и теребил пуговицу, словно она душила его. На сгибе локтя висел черный плащ, легкий, но все-таки неуместный в это теплое время года.

Я раскрыла ладонь — Слеза Эрии в моей руке приветливо вспыхнула, выхватив из темноты лицо Шейна. Под светлыми глазами пролегли темные круги. Неровные тени упали на кожу, отчего шрамы стали казаться еще глубже:

один тянулся от левого нижнего века к скуле, а второй — по правой стороне, от носа до уголка губ.

Шейн опустил на ступеньку рядом, накиннув свой плащ мне на плечи. На груди блеснул темно-бирюзовый камень в сердце ворона, распростершего крылья на круглой подложке из синего велюра. Герб Эллора. Я задумчиво провела пальцами по вышивке.

Уже не первую ночь Шейн заставлял меня сидящую на пороге — бледную, как призрак, сливающуюся с белоснежной ночной сорочкой. Он молча садился рядом и оставался до тех пор, пока тревога после ночных кошмаров не покидала меня и я не возвращалась в комнату. Я была благодарна за эту поддержку — и за то, что с наступлением утра Шейн никогда не говорил о моей слабости.

— Снова лабиринт? — поинтересовался он тихо, словно боясь потревожить окутывавшую нас тишину.

— Мне кажется, что однажды я не найду из него выход, — пробормотала я, крепче сжав Слезу Эрии, отчего та неровно замигала, не понимая, погаснуть ли окончательно или озарить порог ярче.

— Ты же знаешь, я могу помочь, — в очередной раз напомнил Шейн после минутного молчания.

— Мне не нужна такая помощь, — ответ прозвучал слишком резко — мое сердце болезненно и виновато сжалось.

Шейн перехватил мое запястье, когда я вскочила на ноги. Я крепко сжала кулак, пряча шрамы, не прикрытые повязкой.

— Я сделал это, потому что должен был убедиться, что тебе можно доверять. Не влезь я в твою голову, ты бы не задержалась в этом доме ни на минуту.

Я глубоко вдохнула, стараясь выдержать его тяжелый взгляд. Я вовсе не желала становиться причиной его злости.

Мне отчаянно хотелось сорваться с места и скрыться в доме. Но вместо этого я настороженно замерла и хранила

молчание. Наверное, Шейн заметил страх в моих глазах, потому что выпустил запястье и устоялся на ступеньку у себя под ногами.

— Тем более я уже расплатился за это разбитой головой, — он слабо усмехнулся.

Я привыкла к его шрамам, но один из них чаще всего приковывал мой взгляд: маленькая белая полоска над левой бровью, едва заметная в свете кристалла. Меня кольнул стыд при воспоминании о той ночи, когда я впервые попала в особняк Омьенов — связанная, напуганная, сжавшаяся в комочек под тяжелыми взглядами сурового хозяина дома и его сына. Я была словно дикий зверек и, как только руки оказались свободны от веревок, сделала то, что, по моему мнению, могло даровать свободу, — схватила статуэтку и ударила парня, чье прикосновение вызывало боль в голове.

Но чем ближе я узнавала обитателей дома, тем хуже чувствовала себя, вспоминая слова, которые высказала им в первые дни, и поступки, которые совершила.

— Прости, — извинение далось с трудом, хоть и шло из самого сердца, однако казалось горьким и чужеродным.

— Иди спать, Алесса. — Шейн кивнул в сторону двери. — Надеюсь, ты найдешь выход из своих кошмаров.

Плащ я повесила на крючок у двери и, стараясь ступать бесшумно, поднялась на второй этаж. Но даже сейчас, когда перевалило далеко за полночь, дом не спал.

Дверь в кабинет Велизара Омьена была приоткрыта. Проходя мимо, я увидела лысую макушку хозяина дома, склонившегося над бумагами. Дрожащее в канделябре пламя вдыхало жизнь в тени, обитающие в комнате: они метались вокруг мужчины, принимая самые разнообразные, порой жуткие формы. Это выглядело одновременно пугающе и завораживающе.

Меня не переставало удивлять, что человек, посвятивший свою жизнь чарованию Слез Эрии, предпочитал работать при свечах, а не свете кристаллов.

Я тихо скользнула мимо кабинета и нырнула в свою комнату. Кристалл в моей руке выхватил из темноты уютное убранство спальни: пузатый комод на тонких резных ножках, широкую кровать и высокое зеркало, накрытое одеялом, — страх перед зеркалами я принесла с собой из родного мира задолго до того, как они стали частью ночных кошмаров.

Я положила кристалл на прикроватный столик рядом с фарфоровой чашкой, полной янтарной жидкости. Каждый вечер Элья оставляла ее у моей кровати на тот случай, если кошмары станут невыносимы. Первые дни в Гехейне снадобье спасало меня от душевной боли и бессонных ночей. Но как только наступало утро, я чувствовала себя так, словно пробуждалась после мимолетной смерти, потеряв часть чего-то важного.

«Ей не помогут ни мои настойки, ни руки Шейна: ранена ее душа, а не плоть, — вспомнила я возмущенное замечание Эльи, когда она в очередной раз готовила для меня отвар. — Девочке нужен целитель, а не я», — настаивала женщина.

«Я не могу показать ее ни одному из них, пока она так ярко источает ауру своего мира», — отрезал тогда господин Омьен, и больше служанка не поднимала эту тему.

Практически с первого же дня господин Омьен дал понять, что мне стоит держаться от людей подальше.

«Ты незаконный Странник, — сообщил он мне, когда я обрела способность спокойно слушать. — Ты человек, чье присутствие в Гехейне нарушает его границы и законы. На тебе лежит печать собственного дома, которую не стереть ни за дни, ни за месяцы. Ты сияешь иначе, чем жители этого мира. Попадись ты на глаза хоть одному более-менее опытному магу, узнай он, что у тебя нет разрешения... Коллегия спит и видит, как съест меня живьем. А тут, спасибо

моей дочери, у них появился такой чудесный повод! Им будет плевать, случайный ты Странник или нет, — они вывернут твой разум наизнанку, пытаясь раскрыть в твоём появлении мой тайный замысел. Поэтому, Алесса, чтобы сохранить обе наши жизни, тебе стоит сидеть тихо и ждать».

После этого короткого, но содержательного разговора мой мир в мгновение ока сузился до нескольких комнат особняка и небольшого сада за ним.

Я скрылась от Гехейна и ждала того, кто был способен вернуть меня домой, — Хранителя Дверей Артура Моорэта.

Остаток ночи я провела, беспокойно ворочаясь в постели, то и дело подскакивая, как только сон становился глубже и сквозь черную пелену дремы пробивались пугающие картинки.

На рассвете я вынырнула из очередного кошмара, словно из затянутых тиной вод, готовых в любой момент утащить обратно во тьму. Ночные страхи развеялись, стоило солнечному зайчику скользнуть по моей щеке — это был мой страж, один из сотни ярких огоньков, метавшихся по дощатому полу и темно-голубым обоям.

На утро после третьей ночи, проведенной в особняке, Шебнна принесла деревянную игрушку — четырехкрылую птицу с длинной вытянутой шеей, обклеенную сотней зеркальных осколков, — и повесила ее у окна.

— В Ксаафании верят, что пение тэмру отгоняет болотных духов и дурные видения, — дружелюбно сообщила девушка. — Я не могу изловить для тебя живую птицу, но надеюсь, что хотя бы ее образ отпугнет твои кошмары.

Теперь каждое утро я представляла, как солнечные зайчики, отражающиеся от крыльев птицы, проносятся по моей спальне и отлавливают темные пятнышки ночных кошмаров, не позволяя ускользнуть ни одной, даже самой крошечной, тени.

Прохладный ветерок, ворвавшийся в комнату через открытое окно, принес с собой озорной женский смех. На заднем дворе Шейн и Шеонна тренировались на деревянных рапирах.

— Шеонна, сосредоточься, — упрекнул сестру Шейн, а затем с едва сдерживаемым смехом возмутился: — Это нечестно!

Их голоса наполнили мое сердце теплом. В этот момент, утопая в подушках, наблюдая за трепетом яблони у окна и вслушиваясь в смех на улице, я чувствовала себя как никогда счастливой. На какой-то очень краткий миг я позволила себе поверить, что являюсь частью этой семьи и их мира. Я представила сестру и брата с лицами Шеонны и Шейна, а рядом с ними моих маму и папу.

Но реальность обрушилась на меня, словно камень, прижимая к земле и не позволяя воспарить даже в фантазиях: я была чужой в этом доме, а моих родителей вот уже десять лет не было рядом ни в этом мире, ни в том, из которого я пришла.

Соскользнув на пол, я потянулась, разминая затекшие мышцы, и прошла в ванную комнату. Она мало чем отличалась от той, что была в доме Терри, где я провела последние годы: широкая белоснежная ванна под узким окошком с цветастым витражным стеклом и круглый умывальник у противоположной стены. В этом особняке многое напоминало мне о родном доме и выглядело вполне обыденным — до тех пор пока взгляд не падал на бирюзовые кристаллы, инкрустированные в стены или парящие под потолком.

Бирюзовый осколок не крупнее ладони парил посреди комнаты, наполняя ее ярким дневным светом. Я легонько коснулась его пальцем — кристалл подпрыгнул, словно

на пружине, взметнулся к потолку и плавно отплыл в противоположный угол.

Магия. Она правила жизнью в Гехейне.

Я умылась прохладной водой, заплела волосы в тугую косу, сменила ночную сорочку на легкое платье, ушитое с плеч Шеонны и оттого чуть свободное в груди, и вернулась в спальню. На комод, словно солдаты, ожидающие моего приказа, выстроились в ряд аккуратно свернутые ленты, которых с каждым днем становилось все больше. Сначала это были бинты и лоскутки простой ткани, но вскоре их место заняли льняные и шелковые отрезки, украшенные кружевом или вышивкой. Я выбрала две бежевые ленты с ботаническим узором и не сдержала теплой, но горькой улыбки.

С момента моего появления в Гехейне минуло почти три месяца. Все это время господин Омьен неустанно напоминал: вскоре я буду вынуждена покинуть этот мир и вернуться домой, в Сильм. И оттого внимание и материнское тепло, которыми окружила меня Эля, причиняли невыносимую боль.

В глубине сознания заскреблась мучительная мысль: мне не хочется возвращаться.

Я крепко сжала в руке ленты — словно якорь, удерживающий меня в этом мире.

Они предназначались для того, чтобы скрыть от чужих глаз мои руки: в центре ладоней бугрились старые шрамы. Истончившиеся по краям, они, будто паучьи лапки, тянулись к пальцам и запястьям, где переплетались со свежими отметинами. При взгляде на розовые полосы, обвивающие руки, я вздрогнула, словно вновь ощутила боль той ночи, когда тонкая веревка впилась в кожу. Но я не винила Шеонну в новых шрамах: все-таки я буквально свалилась ей на голову посреди молчаливого зимнего леса, окутанного ночью, напугав до полусмерти.

Я спустилась на первый этаж, пересекла столовую и направилась в подвал. Длинный коридор встретил меня теплым уютным светом кристаллов, инкрустированных в деревянные опоры через каждые пару шагов. По обе стороны тянулся ряд дверей, ведущих в подсобные помещения и комнату единственной служанки господина Омьена — Эльи. Коридор заканчивался арочным проемом — за ним находилась кухня. Там никого не оказалось.

При взгляде на поднос, накрытый салфеткой, у меня заурчал живот: свежее испеченные булочки источали пряный аромат корицы. Я позволила себе стянуть одну и жадно впилась зубами в мягкое сладкое тесто.

Дверь слева от проема вела на задний двор, и я вышла на улицу в надежде найти Элью в саду. Поднявшись по каменным ступенькам, я оказалась в прекрасном, живописном дворике. По обе стороны мощеной тропинки, тянущейся к задней калитке, благоухали диковинные цветы и кустарники.

Меж деревьев на небольшой вытоптанной полянке мелькала огненная шевелюра Шеонны, кружившей около брата. Они были так увлечены тренировкой, что не заметили моего появления.

Спокойное небо над головой потревожил тяжелый рокот двигателя. По саду заскользила тень — и воздушный корабль заслонил солнце. Каждый раз, когда я наблюдала за этим чудом техники, мне казалось, что по небу проплывает огромный кит. Он рассекал белоснежные комья облаков резным деревянным брюхом, и, подобно плавникам, у его боков трепетали белые паруса.

Провожая взглядом этого удивительного «небесного кита», я не услышала, как отворилась калитка в конце сада, и не сразу заметила Элью. Служанка несла широкую плетеную

корзинку, доверху набитую свежими продуктами: ароматным сыром, теплым хлебом и бутылками парного молока. Элья замедлила шаг, когда путь ей преградила стайка пузатых птиц.

Я поспешила на помощь, на ходу доедая булочку. Оказавшись рядом с Элей, я ловко перепрыгнула через пушистого альма.

— Доброе утро! — поздоровалась я.

— Как спалось, милая? — улыбнулась в ответ Элья.

— Спокойнее, чем прежде, — соврала я, придав голосу уверенности.

Элья недоверчиво прищурилась — и вокруг изумрудных глаз образовалась сеточка тонких морщин. Избегая дальнейших вопросов, я вызвалась избавить женщину от груза корзинки. Когда ноша оказалась в моих руках, я едва не согнулась под ее весом.

Мы осторожно прокладывали путь по узкой тропинке, стараясь не наступить на альмов, которые, будто не замечая нашего присутствия, то и дело прыгали под ноги. Назвать этих существ птицами было довольно сложно: круглые, как теннисные мячики, тельца, белые с примесью изумрудного перья, маленькие кошачьи ушки на макушке. Желтый клюв терялся под большими черными глазами, а крохотные крылья, казалось, были неспособны поднять в воздух пузатые тела. Но каким-то чудом альмы все же забирались на самые высокие ветви и вили гнезда.

— Знай я, с какой скоростью плодятся эти птицы, никогда бы не принесла их в сад, — пожаловалась Элья. — Я-то думала: поселю парочку альмов, и они каждое утро будут радовать нас своими прекрасными песнями. Ох, Алесса, если бы ты слышала, как красиво они умеют петь! За такие голоса им можно простить даже их плодовитость. Но нет же, Шеонна совершенно испортила им слух, научив этой ужасной мелодии.

Я усмехнулась. Пели альмы действительно скверно. И к моей радости, в данную минуту их больше занимали жучки в земле, чем истязание наших ушей.

Когда мы подошли к дому, до нас донесся возмущенный возглас Шейна.

Шеонна, отбросив свое оружие, перешла к более действенным методам борьбы: прыгнула брату на спину и попыталась повалить его на землю, но и здесь ее постигла неудача. Склонившись над поверженной сестрой, Шейн звонко засмеялся и протянул руку в качестве примирительного жеста.

За все время, проведенное в доме Омьенов, мне редко доводилось слышать смех Шейна или хотя бы видеть его улыбку. Порой я вообще сомневалась, что он способен выражать хоть какие-то эмоции, кроме хмурой задумчивости. Но в такие моменты, как сейчас, я понимала: все улыбки Шейна принадлежали только его сестре.

Мы с Эльей спустились на кухню, где я с нескрываемым облегчением избавилась от тяжелой корзины.

— Ты голодна? — поинтересовалась служанка.

Я кивнула, но ответ Элье не требовался: она уже суетилась над завтраком. На сковороде зашкворчала яичница, рядом на плите засвистел чайник. Я наслаждалась уютной атмосферой, вспоминая, как Терри каждое утро готовила для меня завтрак. Он получался в разы хуже того, что готовила Элья, но тетя старалась изо всех сил.

Когда Элья сняла чайник, под ним блеснул бирюзовый кристалл, инкрустированный в каменную столешницу. Эти осколки испещряли весь дом, но особенно много их было на кухне: у дальней стены обычный деревянный шкаф

благодаря крупному камню в двери выполнял роль холодильника, сахар в чае беспрерывно помешивался шустрой ложкой, словно ею орудовала невидимая рука, а нож ловко нарезал хлеб — во все столовые приборы были вплавлены кристаллы размером не больше слезы. У дверей в посеребренной раме висело полотно из двенадцати цепей, на каждую из которых было нанизано по тридцать три крошечных осколка, один из них сиял, отмечая дату. Сегодня зачарованные Слезы Эрии озаряли в календаре пятый день третьего звена.

«Что такое Эрия?» — однажды спросила я служанку.

И в тот уже далекий для меня день я впервые услышала о народе ар'сэт, чья таинственная родина Клаэрия — крошечный безликий клочок суши на карте господина Омьена, отрезанный от Дархэльма Беспокойным морем, — манила к себе отчаянных пиратов и искателей сокровищ.

Жизнь и культура ар'сэт всегда интересовали ученых мужей Дархэльма. Но все, что им дозволено было знать об ар'сэт, — это их вера в Эрию: великий монолит, которому загадочный народ поклонялся, словно божеству. Людей манила Сила, скрытая в камне, но все, что им удавалось заполучить, — это горсть осколков, которые монолит сбрасывал, будто старую чешую, а волны Беспокойного моря прибывали к берегам материка.

Многие горячие головы пытались достичь Клаэрии — счастливичков через несколько недель волны выбрасывали на сушу, остальные, менее удачливые моряки, исчезали в Беспокойном море, сраженные могучими водами или древними монстрами из глубин.

Полвека назад Вазілис, предыдущий император Дархэльма, пытался захватить остров. Безумный шаг стоил ему флота, так и не достигшего берегов Клаэрии и сгинувшего в безжалостных водах. Лишь два судна сумели вернуться домой, потрепанные и искалеченные — как напоминание о том, насколько жестоко Беспокойное море.

Но даже это поражение не остановило императора. Одержимый Эрией и той Силой, которую мог даровать монолит, Вазилис упорно стремился им завладеть. Он губил корабли, словно избалованный мальчишка, не жалеющий своих игрушек. Люди гибли в свирепых водах, едва покидая берег, или расставались с жизнью еще на причале, отказываясь подниматься на борт корабля. На многие годы Беспокойное море окрасилось в алый.

Но находились и те, кто отправлялся в плавание по собственной воле. Нескольким морякам, чьи имена теперь воспевают барды, однажды удалось достичь Клаэрии, и эти смельчаки, точнее те из них, кто выжил, озолотились на безумии императора.

Лишь после смерти Вазилиса люди перестали проливать кровь в ненасытных морских водах, и в Дархэльме воцарился мир. А благодаря поддержке нынешнего императора Крайоса столичные ученые нашли новый источник энергии — эфир.

Для Лаарэна и севера новая энергия стала спасением: какую бы Силу в себе ни хранили Слезы Эрии, эти кристаллы были совершенно бесполезны без человека, способного пробудить их магию и заключить в них свою.

— Доброе утро! — голос Шеонны вырвал меня из воспоминаний.

Возникнув за спиной, подруга заключила меня в крепкие объятия.

— Если ты не отпустишь, этот день начнется с потери моего сознания, — пропищала я, пытаясь выбраться из удушья плена.

Шеонна ослабила хватку и заботливо пригладила мои растрепавшиеся волосы.

Благодаря веселому нраву она оживляла любое место, где появлялась, заражая всех хорошим настроением. В ее внешности ничто не намекало на ту опасность, что таилась в этой

девушке: ни огненные локоны, игриво подпрыгивающие при каждом движении, ни озорные искры, сияющие в ее светлокварих глазах. Но я на собственной шкуре испытала, какая сила пряталась за всем этим. И не скрывала своего восхищения.

Шеонна была на голову выше меня и всего на год старше — недавно ей исполнилось девятнадцать, — но в ее присутствии я ощущала себя беспомощным и слабым ребенком.

— Эля, что у нас на завтрак? Пахнет очень вкусно!

Подруга упала на соседний стул; и не успела я опомниться, как моя тарелка перекочевала на ее половину стола.

— Шеонна! — недовольно всплеснула руками Эля.

Та в ответ одарила служанку невинной улыбкой и застучала вилкой по тарелке.

— Все в порядке, — отозвалась я, лукаво улыбнувшись. — У меня полно свободного времени, чтобы наесться, а Шеонне предстоит трудный учебный день. Ей нужны силы.

Шеонна показала мне язык и демонстративно отправила в рот очередную порцию моего завтрака. Я усмехнулась и потянулась к подносу с выпечкой, который Эля водрузила на стол. Но и тут меня постигла неудача: ароматная булочка выскользнула из руки, оставив на пальцах липкий слой крема с корицей.

— Шейн! — возмутилась я.

— Мне тоже нужны силы перед рабочим днем. — Он отстраненно пожал плечами, надкусывая булочку.

Я недовольно фыркнула и, вцепившись в края подноса, подвинула его ближе, попутно хлопнув по протянутой руке Шеонны.

— Так, сию же минуту сядьте и поешьте как полагается! — вмешалась Эля.

Передо мной появилась новая тарелка с яичницей.

— Прости, Элья, но я опаздываю, — ответил Шейн и строго бросил сестре: — И ты тоже.

Шеонна начала было возмущаться, но суровый взгляд Шейна тут же положил конец ее причитаниям.

Насупившись, Шеонна быстро расправилась с завтраком и вышла в коридор, помахав мне на прощание.

В кухне воцарилась тишина, которую неожиданно нарушил резкий и тяжелый стук в дверь. Мы с Эльей удивленно переглянулись: гости никогда не прибывали через эту часть дома. Я соскочила со стула и, выставив его перед собой, крепко вцепилась в спинку — в таком положении я чувствовала себя более защищенной. Элья храбро направилась к двери и решительно распахнула ее. На пороге никого не оказалось.

Внезапно раздался шелест, будто кто-то быстро перелистывал книжные страницы, и в комнату влетел крохотный свиток, перевязанный сиреневой лентой. Помахивая атласными крылышками, он закружил по кухне. Когда свиток пролетал над моей головой, я подпрыгнула, вытянув руку, но заколдованная вещица ловко увернулась.

Элья тихо засмеялась, наблюдая за моими неудачными попытками поймать верткое письмо. Свиток сделал еще один издевательский круг над моей головой, слегка задев волосы, после чего опустился прямо в раскрытую ладонь служанки.

— Он дается в руки только тому, кому адресован, — пояснила женщина. — А если ты все же исхитришься и поймашь его, то письмо сгорит прежде, чем будет расколота печать.

Элья сломала восковую печать, в которой мерцали крупицы Слез Эрии, спрятала ее в карман юбки и потянула за шелковую ленту, раскрывая записку.

— Сегодня на ужине будет гость, — сообщила служанка, пробежав взглядом ровные строчки, выведенные витиеватым почерком, — и тебе позволено присутствовать.

Сердце екнуло одновременно от радости и от внезапно нахлынувшей тревоги.

Неужели ожидание подошло к концу и этим самым гостем будет Хранитель Дверей?

Шеонна вернулась домой незадолго до прибытия гостя. От моего взгляда не ускользнули толстый слой грязи на ботинках, которые она забросила в дальний угол прихожей, и надорванный подол длинной юбки. Я догадалась, что этот день подруга провела не в стенах Академии. Как и в ту ночь, когда она нашла меня, Шеонна вновь выбиралась за пределы города, наслаждаясь свободой, которую дарил ей лес.

Она едва успела привести себя в порядок и спуститься в холл, как дверная ручка повернулась. Я встречала гостя в темно-зеленом платье с атласным поясом, таким же легким и белоснежным, как повязки на руках. Но я чувствовала себя слишком неуютно в одежде, которую Шеонна носила лет в четырнадцать и давно переросла и которая на мне, невысокой и худой, сидела впору.

Когда вошедший снял шляпу, я не сдержала радостной улыбки, но одновременно ощутила и легкий укол досады. Гостем оказался не Артур Моорэт, но я уже была знакома с этим человеком. Из-под шляпы показались седые волосы, которые легкой паутинкой струились по вискам, плавно переходя на скулы и обрамляя краснощекое лицо мужчины. Густая борода графа Эридіра делала его похожим на одуванчик.

Мужчина учтиво передал Элье свою шляпу и протянул нам с Шеонной узловатые руки.

— Милые дамы, вы как всегда прекрасны! — искренне произнес мужчина.

Граф был единственным, кто, помимо семьи Омьен, знал обо мне. Господин Омьен пригласил его на следующее утро после того, как я появилась на пороге его дома. Тогда я еще не владела собой: умудрилась навредить Шейну, в истерике осыпала всех домочадцев несдержанными оскорблениями. Но больше всего неприятных слов досталось Тёнлеру Эридиру. Он снисходительно пропустил всё мимо ушей, понимая, как трудно мне принять его слова о перемещении между мирами на веру и смириться со своей участью. Магия? Другой мир? Происходящее было похоже на очень злой розыгрыш.

Следом за графом вошли сам хозяин дома и его сын. Шейн даже не удостоил нас взгляда и, протиснувшись между мужчинами, молча направился в столовую. Эля подбадривающе погладила его по плечу, когда парень проходил мимо.

Вскоре мы расселись по своим местам. Граф расположился рядом со мной.

Разговор, завязавшийся между мужчинами еще за порогом дома, не прекращался до самого десерта.

— ...Мы ничего не можем сделать с этим, — сокрушенно покачал головой Тенлер Эридир. Мне показалось, что от этого движения волосы на его голове разлетятся, будто пух одуванчика. — Вина Маркуса Лэнна доказана.

— Доказана, — тихо повторил Шейн, сквозь сжатые зубы. — Вся вина Лэнна заключается в том, что он оказался не в том месте и не в то время.

— И не под той юбкой, — тихо добавила Шеонна, усмехнувшись.

Шейн недовольно покосился на сестру, но ничего не ответил.

— Маркус знал, с кем связывается. Я надеюсь, тебе хватит благоразумия не лезть в это дело, мальчик мой. Лэнн тебе не друг, и ты ему ничем не обязан.

Шейн сжал челюсти, сдерживая рвущиеся наружу слова. Граф Эридир поспешил сменить тему.

Элья незаметно сновала между собравшимися, меняя тарелки. Тема новой беседы оказалась куда менее напряженной. Прислушиваясь к обсуждению, Шеонна то и дело пыталась вставить свое слово, за что отец награждал ее строгим взглядом, которого та упорно не замечала. Для меня же разговор оставался белым шумом: я ничего не смыслила в отношениях между членами Научной Магической Коллегии или правящими домами Эллёра.

Но внезапно обрывок фразы заставил меня вслушаться в беседу.

— Артур Моорэт вернулся? — шепотом спросила я у Шеонны.

Но мой вопрос достиг чуткого слуха графа, и он обворожительно улыбнулся.

— Буквально сегодня утром прибыл из Фенра, — подтвердил он. — Местная знать не дает ему прохода, желая узнать, какие диковины он принес из нового мира на этот раз. По этому случаю завтра Артур устраивает званый ужин. И ты тоже приглашена.

Месяцы ожидания подошли к концу. Сердце бешено заколотилось. Но я не могла понять, была ли это радость перед грядущим возвращением к Терри или страх перед расставанием с моим новым домом и его обитателями. Я убрала руки под стол, стараясь не выдать дрожь.

— Но самое главное — ты наконец сможешь покинуть дом, ничего не опасаясь. — Черные усы господина Омьена, плавно переходящие в аккуратно подстриженную бороду, дрогнули от легкой улыбки. — Посмотришь на наш город и замок, хоть узнаешь, где мы с Шеонной пропадем каждый день. Кстати, дочь моя, как твои дела в Академии?

Ложка замерла у губ Шеонны. Подруга рассеянно улыбнулась, но быстро совладала с собой.

— Прекрасно, — коротко ответила она.

— Как твои успехи в руноведении? Как политология? — с нажимом продолжил он.

— Все хорошо, — продолжала свою ложь Шеонна. — Мистер Хорст говорит, что я схватываю всё на лету.

— О да, я слышал об этом, — кивнул господин Омьен. — Я понимаю, что руноведение трудно тебе дается, я и сам в твои годы не мог справиться с этим предметом, но в политологии ты очень способна. Многие великие люди пробивали себе путь шантажом и давлением, и ты ничуть не уступаешь в этом членам Коллегии.

— Что... — Шеонна потеряла все самообладание.

Холодный взгляд господина Омьена уперся в Шеонну. Мужчина нарочито медленно поставил бокал на стол. Его руки, все в мелких шрамах от ран и химических ожогов, напряглись. Шеонна умоляюще смотрела на собравшихся, но никто не мог прийти на помощь.

— Кстати, необязательно было давить на Хорста и копаться в его грязном белье, — отстраненно заметил Шейн, пригубив вина. — Старик был готов скрывать твое отсутствие по доброй воле, лишь бы ты еще дольше не объявлялась в его академическом крыле.

— Шейн! Ты влез в его голову? — прошипела Шеонна.

Она бросила возмущенный взгляд на отца, словно это не ее проделки стали причиной его недовольства, а вопиющее поведение Шейна. Но лицо господина Омьена оставалось таким же непроницаемо холодным.

— Ты не имел никакого права! — зарычала Шеонна на брата.

— Я имею полное право использовать свои Силы и полученную информацию как мне угодно, — пожал плечами Шейн.

Шеонна крепко сжала кулаки, костяшки пальцев побелели.

— Вот он, истинный Черный Пес Коллегии, — произнесла она, вложив в эти слова всю злость.

Шейн предупредительно воззрился на сестру; от меня не укрылось, как напряглись его пальцы, придерживающие стоявший возле тарелки бокал.

Никто не говорил об этом прямо, но из мимолетных разговоров домочадцев я знала, что оба ребенка господина Омьена были приемными. И каждый раз, когда семья собиралась вместе, я находила все больше различий в их внешности. Пухлые губы и круглое личико Шеонны сильно контрастировали с волевыми и резкими чертами господина Омьена. Шейн, в свою очередь, тоже разительно отличался от отца, но невольно перенял его острый взгляд и манеру хмурить брови. Ему едва исполнилось двадцать два, он был высок и крепко сложен и уже умел внушить страх одним своим видом, под стать старшему Омьену.

Неожиданно белоснежная салфетка рядом со мной вспыхнула ярким пламенем. И прежде, чем огонь набрал силу, а я успела испугаться, вовремя подоспевшая Элья опрокинула на салфетку воду из графина.

— Шеонна, хватит! — раскатистый бас господина Омьена пронесся по столовой.

В комнате воцарилась гнетущая тишина, все взгляды обратились к главе дома, и в каждом читался страх. Даже граф ссутулился и вжал голову в плечи, будто стараясь стать меньше.

— Отец, он... — начала было Шеонна, но умолкла под тяжелым взглядом.

— Он сделал то, что я ему велел, — отрезал господин Омьен.

— Но... Ему дали эти Силы, чтобы он использовал их против преступников, а не против близких людей!

— Порой мне кажется, что главный и единственный преступник в этом городе — моя дочь, — от его ледяного тона стыла кровь в жилах.

— К чему мне вообще посещать эту дурацкую Академию? — вспыхнула Шеонна. — Чему меня научат? Только и делают, что заставляют зубрить мертвые руны, значения которых Коллегия сама не понимает. Или безрезультатно пытаются научить заговаривать Слезы. Храни тебя Ольм! Отец, когда ты признаешь, что я не способна использовать магию?!

— Ты способна, — холодно возразил господин Омьен и мрачно добавил: — И не смей поминать мертвых богов за этим столом.

— Нет, не способна. — Шеонна хлопнула рукой по столу. — Это проклятие, а не магия, и никто не может научить меня управлять... этим.

Шеонна раздраженно махнула в сторону Эльи, держащей в руках наполовину обугленную салфетку. И будто в подтверждение ее слов маленький огонек вновь занялся на остатках кружевной ткани. Служанка бесстрастно опустила салфетку в графин с водой.

— Выйди и успокой свои мысли, — строго произнес господин Омьен, кивнув в сторону двери. — И после возвращайся обратно. Этот разговор мы продолжим позже.

Последние слова он произнес уже мягче, но в них все еще звучала сталь. Шеонна молча встала и, не разжимая кулаков, покинула столовую. Шейн поднялся со своего места следом за сестрой, но отец жестом велел ему остаться. Парень угрюмо опустился на стул.

— Ох уж эти детки! Вся в мать! — усмехнулся граф Эридир, пытаясь разрядить обстановку, но тут же поперхнулся, поймав на себе взгляд господина Омьена, и попытался сменить тему: — Кстати, до меня давеча дошли слухи, что на ужин к Артуру приглашен Фельдер-сновидец, поэтому я не пожалел пары золотых на листья рейруда из самых глубин Ксафании! Элья, дорогая, думаю, ты лучше меня знаешь, как их заваривать.

Элья осторожно приняла небольшой сверток, словно в нем находилась самая хрупкая в мире вещь, и принялась.

— Я рада, что ты внял моим советам, Тенлер, и в этот раз тебя не облапошили, как деревенского дурака, — усмехнулась служанка. Граф Эридир, будто не заметив этой вопиющей фамильярности в свой адрес, ответил широкой улыбкой.

Шеонна вернулась в столовую как раз к тому моменту, как Элья разлила по чашкам жидкость сливового цвета. От напитка исходили сладкие ароматы цитрусовых и вишни, в чашках плавало несколько цветочных лепестков.

Заметив мое замешательство, граф Эридир пояснил:

— Раньше рейруд рос по всей территории Гехейна, и каждый мог испить чая из его листьев. Правильно заваренный отвар, употребленный перед сном, позволял видеть вещие сны. И те, кто мог их понять, становились поистине великими. Но ксаафанийским ведьмам претила мысль, что какие-то людишки пытаются сравняться с ними в *Знании*, и они наслали хворь на это чудесное растение. Теперь рейруд можно найти лишь на некоторых островках Ксаафании, и стоят его листья практически как жеребенок.

— Чушь все это, — вмешался в разговор Шейн, и граф смерил его добродушной улыбкой, словно ребенка, которому простительно чего-то не знать в силу своих малых лет. — Если бы это действительно работало, то наша знать бы уже закладывала свои состояния, лишь бы получить эти чайники. А так это всего-навсего развлечение на пару вечеров.

— Ты невнимателен к моим словам, Шейн, — парировал граф. — Чтобы знать будущее, недостаточно видеть сны — их нужно уметь читать. А это доступно не каждому, такой дар не получают в подарок от Коллегии — с ним рождаются. Да и листья рейруда нужно правильно заваривать,

и, к счастью, у нас есть ксаафанийка, знающая в этом толк. — Граф отсалютовал Элье и залпом выпил свой чай.

Его примеру последовали все остальные, даже Шейн, не верящий, что рейруд способен открыть людям их судьбы. Я прильнула губами к чашке и ощутила горький вкус, который никак не сочетался со сладким ароматом лепестков, плавающих на поверхности. Я скривилась, но осушила отвар до дна.

Граф Эридир покинул дом далеко за полночь.

Я зашла в спальню, и Слеза Эрии на прикроватном столике приветливо вспыхнула. По меркам всего дома комната была крошечной, но мне она казалась необъятной. Желтоватый свет от кристалла, будто жидкое золото, стекал на пол и на темно-синее одеяло, застилавшее двуспальную кровать, к которой я до сих пор не могла привыкнуть, — на ней было слишком много свободного места. Мне хватало маленького диванчика в доме Терри, лежа на котором я могла упереться спиной в стену, забиться в угол и почувствовать себя хоть немного защищенной.

В этой комнате все будоражило мои многочисленные страхи: темные углы, куда не доставал свет кристалла в лампе, горевшей всю ночь, или пустое пространство под высокой кроватью, откуда веяло холодом. Я могла уберечься лишь от одной пугающей меня вещи — зеркала, стоявшего возле шкафа. Накинутое на него тяжелое одеяло не позволяло видеть игры теней на серебряной поверхности.

Сейчас я как никогда ощущала себя слабой и никому не нужной. Забравшись под тяжелое одеяло, я обхватила себя руками, пытаясь унять дрожь, и не заметила, как погрузилась в сон.

Я знала, что это был сон. В реальном мире, каким бы волшебным он ни был, снег не бывает таким ослепительно белым — и уж тем более теплым. Я шагала по земле, мои босые ступни утопали в мягкой снежной пелене, но стоило оглянуться — и мне не удавалось отыскать собственных следов. Неподалеку журчал, извиваясь, тонкий темный ручей, и я медленно двигалась по его течению.

Внезапно меня пробрал необъяснимый животный страх. Я резко остановилась, увидев крупного волка.

Я не заметила, как оказалась на расстоянии вытянутой руки от зверя, и не понимала, как не разглядела его черную шкуру среди этой бесконечной белизны.

Волк, не замечая моего присутствия, жадно лакал воду из ручья.

Я попятилась, и снег скрипнул под ногой, сделавшись обжигающе ледяным и плотным. Зверь дернул ушами и повернул массивную голову в мою сторону. Его глаза излучали призрачное бирюзовое свечение, от которого перехватывало дыхание.

Волк не нападал, но его взгляд пугал сильнее острых, как лезвие, клыков.

Неосторожный шаг — и моя нога соскользнула в ручей. Вода показалась горячей и слишком вязкой. Я опустила взгляд и, к своему ужасу, обнаружила, что стою по колено в алой жидкости, от которой исходят неприятные металлические пары.

Кровь.

Из груди вырвался истошный крик. В ту же секунду под ногами разверзлась пропасть — и я с головой рухнула в реку.

МАЛЬЧИК, КОТОРЫЙ ЛЮБИЛ ЕЕ ЛОЖЬ

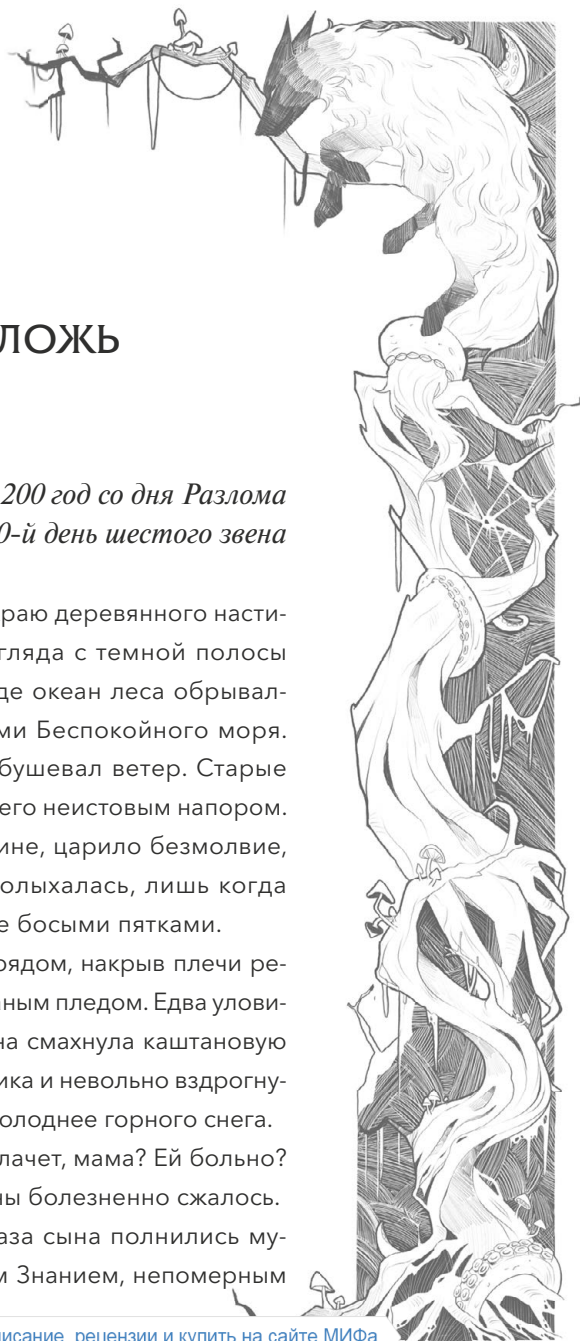
*200 год со дня Разлома
10-й день шестого звена*

Мальчик сидел на краю деревянного настила и не сводил взгляда с темной полосы горизонта – там, где океан леса обрывался голубыми водами Беспокойного моря. У подножия горы бушевал ветер. Старые сосны стонали под его неистовым напором. Здесь же, на вершине, царило безмолвие, и высокая трава колыхалась, лишь когда мальчик задевал ее босыми пятками.

Женщина села рядом, накрыв плечи ребенка тяжелым вязаным пледом. Едва уловимым движением она смахнула каштановую прядь со лба мальчика и невольно вздрогнула: его кожа была холоднее горного снега.

– Почему она плачет, мама? Ей больно?
Сердце женщины болезненно сжалось.

Изумрудные глаза сына наполнились мудростью и древним Знанием, непомерным

для пятилетнего ребенка. Способный без труда отличить вымысел от истины, он давно не нуждался в сказках матери, но все еще просил о них каждую ночь – ради нее.

Мальчик опустил взгляд на бирюзовый осколок, тревожно мерцавший в его ладонях. Ведьма взяла кристалл и, нахмурившись, с минуту вглядывалась в неровное сияние: Слезам было не место в этих горах. Одно легкое слово, тише шепота и мысли, – и камень обратился в мерцающую пыль. Дуновение, сорвавшееся с губ женщины, унесло бирюзовое облачко в небо, туда, где сияние пыли смешалось со светом звезд.

– Ей не больно, родной, – ласково произнесла женщина и обняла сына за плечи, стараясь не замечать обжигающий холод его тела, пробирающий сквозь плед. – Она скорбит.

Ведьма лгала.

Конечно, Эрии было больно, она стенала в агонии уже сотни лет, но женщина не испытывала к ней жалости. Знал ли ее сын об этом? Знал. Но он всегда позволял ей лгать – как сейчас, так и в те минуты, когда женщина тешила его и себя мыслями о счастливом будущем. Хотя оба знали: этому будущему не суждено наступить.

Ее ложь была для мальчика той самой сказкой, которая скрашивала его вечера и успокаивала перед наступлением ночи, наполненной кошмарами.

– Потому что ее предали?

– Потому что она поверила, – поправила его мать.

Женщина устремила взгляд к горизонту, который медленно поглощала ночь. Даже с этих вершин она не могла увидеть чуждые земли Клаэрии, окутанные зеленью исполинских дубов. Но ведьма чувствовала их ежесекундно и всем своим естеством противилась существованию этого острова.

– Когда-то давно, много сотен лет назад, в этом мире правили Ольм и Эрия, – тихо заговорила она. – Они были мудры и справедливы. Они любили друг друга больше жизни и порой

даже больше собственных детей – людей и ар’сэт. Но сердце Эрии, как и ее душа, было изменчиво.

Однажды из погибающего мира в Гехейн прибыли новые люди, которые привели с собой собственного бога. Будучи великодушными, Ольм и Эрия приняли чужой народ и их отца – Гестафа. Вскоре Гестаф очаровал Эрию, любовь к нему поглотила ее, и ради этого чувства она совершила непростительный поступок. Эрия похитила Силу своего мужа и вместе со своей собственной преподнесла Гестафу как дар их будущему союзу и правлению. Но Гестаф предал Эрию.

Он обратил ее в камень, заточив вместе с ней и великую Силу, которую мог черпать, когда того пожелает. Наступили темные времена: старая магия и письма, подаренные Ольмом своим детям, утратили Силу, а ткань мира истончилась настолько, что Гехейн наполнился невиданными существами, многие из которых были столь же злы и жестоки, как и Гестаф. И он с жадностью правил этим темным миром, погрязшим в безумии...

Мальчик обмяк в руках ведьмы, провалившись в беспокойный сон. Женщина не успела поведать ему о той, которая отдала свою жизнь, чтобы подарить миру второй шанс, о той, по ком Эрия проливает слезы и о чьем прощении молит по сей день.

Ведьма подняла мальчика – он был легче перышка – и бросила строгий взгляд во тьму, окутавшую сад.

– Ее Слезам не место на Болотах, – холодно произнесла женщина и с сожалением добавила: – Как и тебе.

С этими словами она скрылась в деревянной лачуге.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

